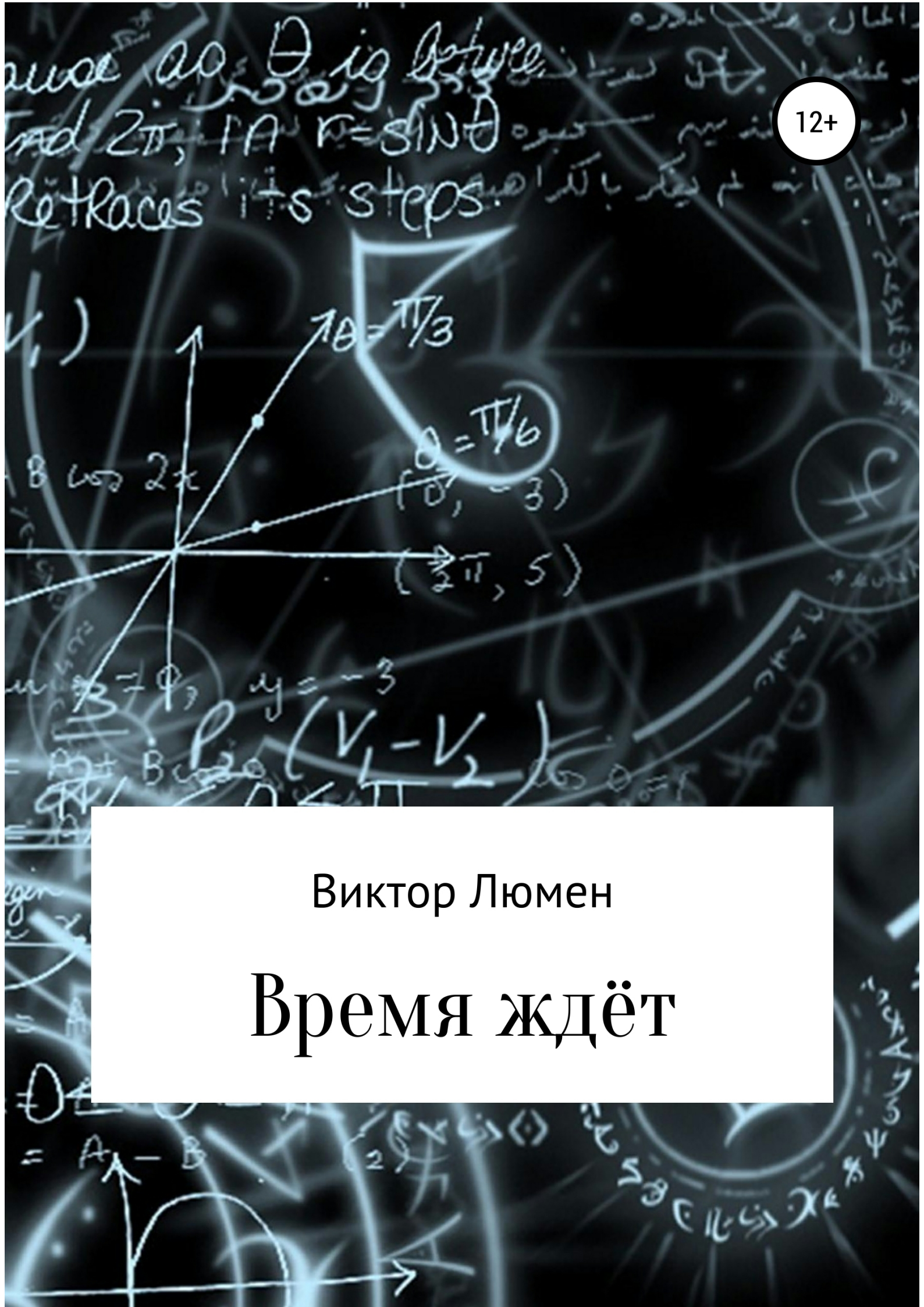

12+

since θ is between
and 2π , it retraces its steps.

Виктор Люмен

Время ждёт

Виктор Люмен

Время ждёт

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Люмен В.

Время ждёт / В. Люмен — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Сборник коротких мистических рассказов, герои которых смотрят на важные вещи через призму необъяснимого.

Содержание

Механическая анатомия	5
Любовь, алкоголь и психические расстройства	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Механическая анатомия

Анабель застала Клавдия за работой. Он, как и прежде, проводил тёмные зимние вечера в своей мастерской, склонившись над множеством маленьких шестерёнок. Его глаза, несмотря на почтенный возраст, не теряли своей остроты, даже при скромном освещении свечи. Седые волосы были связаны в хвост, чтобы ни одна из прядей ненароком не смахнула важную деталь со стола. Фарфоровые колени Анабель ещё долго не забудут те два часа, в течении которых, девушка ползала по комнате, в поисках утраченной пружины.

Застыв в дверном проёме, керамическое изваяние несколько секунд наблюдало за работой мастера, пока тот наконец не отвлекся.

– Уже десять, – молвил ремесленник, – ты закончила все дела, что я поручал?

– Задачи выполнены, – бодро кивнула девушка, – кота навела, чистоту покормила.

– Замечательно. Ты помнишь, какой сегодня день?

– Конечно помню! Умоляю, можно я пойду к Гансу? Можно, можно?

И Анабель неуклюже запрыгала на месте, заламывая фарфоровые ручки. Её медные кудряшки, шурша, запрыгали по плечам. Клавдий устало улыбнулся.

– Конечно, Анабель. В конце концов, сегодня важный день для нас обоих, и, прежде, чем ты пробьёшь головой потолок, позволь попросить тебя ещё об одном одолжении.

Золотистые искры в глазах девушки потухли, словно у пружины внутри закончился завод.

– Ну что ещё?! – Возопила скульптура.

Инженер оторвался от работы, и подошёл к девушке. Мягко коснувшись старыми, но чувствительными пальцами её правой щеки, он медленно провёл ими по трещине, пересекающей лицо Анабель. Выдержав секунду или две, он нахмурился, и, внезапно отвернувшись к столу, начал копать в ящиках.

– Снимите-ка, барышня, вашу личину, – проворчал он, доставая из недр ящика бумажный свёрток.

Анабель в предвкушении сдвинула керамическую маску на передней части головы с пазов, и миловидное личико оказалось у неё в руках. В это время мастер, срывая на ходу обёртку, подлетел к девушке с подарком.

Вращая глазами и раскрывая челюсти, в восторге от подарка, Анабель разглядывала своё новое белоснежное лицо. Отполированный до блеска фарфор, со свежим румянцем, выполненный путём ювелирного напыления краски по методу северных мастеров.

– Месяц назад я подумал, что негоже юной девушке ходить на свидания с трещиной на лице, и заказал у Пьера новое. Пришло только сейчас, – доставка шла от самого Петербурга.

Дрожа от нетерпения, Анабель защёлкнула на голове своё новое лицо, и приблизилась к зеркалу в углу комнаты.

– Ох, Мастер. – Выдохнула девушка, касаясь медными ноготками своих щёк. – Оно такое... каллиграфичное.

Мастер довольно ухмыльнулся.

– Беги к своему Гансу.

Анабель крепко расцеловала создателя в обе щеки, и тут же, словно ласточка, упорхнула из комнаты, оставив старика в одиночестве. Мастер какое-то время с любовью глядел ей вслед, а потом вернулся к столу. Отложив свою работу, он достал из ящика увесистую рукопись. На титульном листе было выведено: «Волшебство вечной юности. Автор: Клавдий Грималь». Книга была почти закончена, осталось написать заключительные слова и можно уходить.

– Кажется мне, – подумал мастер, едва его пальцы коснулись пера, – что эта ночь будет особенно длинной.

Стоя на привокзальной станции, в свете высоких фонарей, Ганс наблюдал, как Анабель неслась на тонких ножках, сквозь медленно падающий снег. Вокруг не было ни души, лишь где-то вдалеке лаяла собака сторожа. Отодвинув рукав пальто, возлюбленный поглядел на часы. Девушка не опоздала ещё ни разу, наверное, таково свойство каждого механизма, состоящего из блестящих упругих пружин и латунных шестерёнок.

Вот туфельки девушки застучали каблуками по станционной площадке, и через минуту Анабель уже стояла возле Ганса, в привычном белом платье выше колена.

– Здравствуй мой дорогой Ганс, – пропела девушка, театрально размахивая конечностями, – я не опоздала?

– Нет, Анабель, – тихо ответил Ганс, теребя в руках одну из перчаток, – ты как раз вовремя.

– Куда будем шагать? Может в парк, держать друг друга за пальцы и болтать слова? Или к старому Константину, шевелиться под звуки патефона?

Минуту или две молодой человек молчал, стараясь не глядеть в глаза возлюбленной. Потом решительно надел перчатку, и проговорил:

– Сегодня у меня был разговор с моей маман, и...

Тут юноша запнулся и стал разглядывать свои туфли. Судя по немигающим глазам и милой улыбке, девушка не придала его тону совершенно никакого значения.

– Очень интересно, – мечтательно промолвила она.

– Видишь ли, мы с тобой давно уже знакомы. А я, как говорит мама, уже взрослый. И мне, конечно, с тобой хорошо, но... Мне необходимо нечто большее, понимаешь? Мама говорит, каждому мужчине нужен наследник. А ты... В общем, я должен уехать завтра в Москву. Там живёт мой дядя Франсуа, я буду жить у него и учиться в престижной гимназии. Вот. Удачи, Анабель.

С этими словами, Ганс круто повернулся, и быстрым шагом пошёл прочь. Улыбка Анабель, которая глядела ему вслед, медленно таяла. В глазах медленно гасла искорка любви и мечтательности.

«Он даже не заметил, что у меня новое лицо», – пронеслось у девушки в голове.

Вдруг в груди что-то треснуло. То был сосуд, который Клавдий установил из чистого любопытства. Он уж и забыл про него, но вот момент пришёл, и стеклянная полость раскололась. Смесь кипячёной воды и соли двинулась по тоненьким трубкам вверх, через шею, голову и глаза девушки, чтобы блестящими дорожками побежать по щекам Анабель.

Много красивых и полезных вещей изобрёл Клавдий Грималь. Странно, но жители города Ферт знали его лишь как часового мастера с причудами, и к его изобретениям относились не всегда однозначно. Так, карманные часы, закованные в почти неуязвимый корпус, имели немалый успех, как и шкатулки, оснащённые хитрыми замками. Одна из таких шкатулок ушла к близкому другу Клавдия Пьеру, фарфоровых дел мастеру из Петербурга и дорожному товарищу. Чтобы открыть оную нужно было изрядно потрудиться над головоломкой, расположенной на крышке ларчика. Впрочем, всё это не самые значительные замыслы гения. Ещё Анабель, но для всех, кроме Мастера, она была лишь фарфоровой куклой, и, не смотря на то, что, неделей ранее, ей исполнилось двадцать восемь, – а это на семь лет старше её возлюбленного, – с ней всегда разговаривали как с двухлетним ребёнком. Причиной этому, быть может, служила неспособность Анабель подбирать более-менее подходящие слова к той или иной ситуации, из-за чего её речь была несколько гротескной.

Но самой изысканной и утончённой вещью, когда-либо созданной Клавдием, являлся так называемый эквилибратор, – таинственный уравновешиватель о существовании которого не догадывался никто, за исключением Анабель и Пьера. По сути, всё то, что он создал, являлось

лишь побочным эффектом работы над этим предметом. Небольшой механизм, устанавливающийся в правое запястье человека. В комбинации с ядром из лунного камня, он давал человеку почти что безграничные возможности настроек в пределах собственного тела. Ядро, помещённое в корпус из нержавеющей стали, посредством гибких трубок, крайние концы которых выходят в полости вен и артерий, получает тепло непосредственно от человеческого тела.

Говорят, будто камень насыщает клетки божественной энергией, но, конечно, всё это чушь! Лунный камень действительно не является частью нашего мира, и скорее всего, свалился на нашу планету вместе с кучей космического мусора, по счастливой случайности, не сгорев полностью в плотных слоях атмосферы. Хотя, учитывая прочность элемента, это не удивительно. Он был найден в 1736 году каким-то монахом в Сибири. Сам монах давно отправился к праотцам, а камень кочевал из рук в руки, обрастая легендами. Самым заметным свойством артефакта была возможность излучать светло-голубое свечение, при сравнительно небольшом нагревании, что можно объяснить умеренной радиоактивностью вещества. Однако в отличие от того же фосфора, излучение камня неопасно, более того, у клеток, попавших под воздействие, повышается жизнеспособность. По расчётам Клавдия, негативное воздействие чужеродного элемента на тело человека обещало быть достаточно минимальным, чтобы им можно было пренебречь.

Так, напрямую влияя на клетки крови, можно обеспечить организм всеми веществами, при условии, что человек получает хотя бы минимум элементов из окружающего мира. Многие жизненно важные элементы создаются самим ядром, в симбиозе с клетками крови, превращая их в своеобразную пищу для тела. Этот цикл авто-каннибализма дарит возможность не тратить лишнюю энергию на поддержание гемато-энцефалического барьера и других видов иммунитета. Освободившиеся силы организм автоматически распределит на решение важных в конкретный момент задач, таких как регенерация и когнитивная чистка, что избавит человека от потребности во сне, или же ограничит его до часа-двух.

Разумеется, возникают случаи, когда свойства ядра нужно будет корректировать, и на этот случай на поверхность кожи выводятся несколько тумблеров, позволяющих менять интенсивность излучения.

От размышлений Клавдия отвлёк громкий стук в дверь. Он торопливо поставил подпись и дату в конце последней страницы, и крикнул в темноту дома:

– Войдите!

Послышался скрип двери, и несколько листов бумаги слетели со стола, сдуваемые сквозняком. Холодный ветер заполнял собой тёплые просторы дома, чтобы обогнуть вошедшего у входа в кабинет мастера. Клавдий ощутил, как его рук коснулись потоки ледяного воздуха, и в ту же секунду в дверях предстал посетитель. Высокий человек в чёрном зимнем пальто, голову которого венчала шляпа-цилиндр, тихо поприветствовал хозяина дома.

– Пьер, – устало откликнулся Клавдий. – Я уж думал, ты не явишься.

Гость сделал два внушительных по своей широте шага, и в один миг оказался возле мастера. Обменявшись с Пьером рукопожатиями, Мастер спешно завернул книгу в ткань, обвязал грубой ниткой и вручил посетителю.

– Вот, – пояснил он, – запись всех моих наблюдений и исследований. А также несколько чертежей. Ну как несколько... пара сотен.

– Угу, – угрюмо промычал гость, пряча книгу за пазуху. – Скажи, ты уверен в том, что собираешься делать?

– Пьер, прошу. Мы ведь обсуждали это, – шёпотом воскликнул Грималь.

– Но ведь эта штука... она не из нашего мира, – также шёпотом возразил Пьер. – Может, подождать ещё? Ты нашёл способ затормозить развитие болезни, вдруг французы уже нашли лекарство?

– Послушай, это не просто болезнь. Это странный процесс неконтролируемого деления клеток. Я смог остановить это, верно, но какой ценой? Он лежит там, в этом дурацком ящике более тридцати лет! Он выглядит как семилетний ребёнок, только потому, что я погрузил его в "неживое" состояние. Пьер, у моего сына в теле шесть неоперабельных образований, две из которых растут в мозгу.

– Но ты говорил, что лунный камень действует по принципу "взять-отдать". Если речь об искусственном обогащении клеток крови, то достаточно тепла тела, но ведь здесь нужно нечто большее. И я не думаю, что твоей жизни хватит, чтобы совершить обмен. Ты стар, но у мальчика больше времени.

– А у меня больше знаний, опыта и личных заслуг. Теоретически, моя жизнь ценнее.

– Но мы оба знаем, что на практике всё может быть иначе!

Клавдий замолчал. Он устало сел за свой стол, достал лист бумаги и принялся что-то писать. Пьер несколько минут наблюдал, как руки мастера выводят пером буквы, затем вздохнул и, не прощаясь, покинул дом товарища.

Дописав последние слова, мастер поставил на записку чернильницу, чтобы её случайно не сдуло сквозняком. Потом извлёк из кармана жилета маленькое устройство с голубым светящимся камнем и повернул один из тумблеров. Послышался щелчок, и лунный камень сменил цвет на ярко-алый.

– Пора, – молвил Клавдий, закрывая глаза.

В комнату ворвался ураган и поднял в воздух клочки бумаги. Пламя свечи, испуганно вздрогнув, погасло, и в ту же секунду, вместе с темнотой, на дом опустилась тишина. Листы бумаги медленно опускались на дощатый пол. Ветра не было. Клавдия – тоже.

Анабель вернулась через час после загадочного исчезновения её создателя. Уже на подходе к дому, она заметила, что дверь открыта нараспашку, впуская в его чёрное нутро хлопья белого снега. Войдя в кабинет Мастера, она зажгла свечу. Увидев на столе очки, с которыми Клавдий никогда не расставался, девушка поняла, что звать хозяина бессмысленно. Рядом лежало письмо:

“Моя дорогая Анабель. Я пишу это, потому что не уверен, что смогу сказать тебе всё прямо в глаза. Боюсь, я вынужден тебя оставить. Мы оба знаем, что я до последнего верил, что смогу избежать подобной участи, но, кажется, иного выхода нет. Ключ от твоей пружины лежит в ящике стола. Теперь тебе самой придётся заводить её. Эквilibратор должен быть где-то рядом. Что делать с ним, ты знаешь. Надеюсь, у вас с Гансом всё будет хорошо. Береги себя. Твой Клавдий Грималь.”

Отложив письмо, Анабель огляделась. На полу лежало маленькое устройство, в центр которого был помещён камень. Как и ожидалось, он был серым и холодным, готовым впитать в себя немного тепла. Подняв его с пола, девушка вынула из ящика заводной ключ. Вставив три стержня в слот на своём туловище, она вдруг замерла. Постояв в нерешительности, девушка вынула ключ, взяла спички и покинула кабинет.

Спустившись в подвал, Анабель несколько минут провозилась с хитрым замком-головоломкой, чтобы открыть потайную дверь. За ней обнаружился холодный зал, уставленный подсвечниками. Пока девушка бегала от одной свечи к другой, чиркая спичками, из мрака вырисовывались всё более странные вещи. Напротив двери стоял маленький столик, на котором лежал поднос с хирургическими инструментами. На стенах по кругу висели многочисленные зеркала, собирая скудный свет, чтобы направить его в центр комнаты. Там, в ящике из стекла, словно на операционном столе, лежал мальчик. Несмотря на то, что поверхность стекла была покрыта пылью, у него не наблюдалось пролежней на тех местах, где кожа не была прикрыта эластичными серыми бинтами. Его лицо было острым и бледным. Светлые волосы выглядели безжизненными.

Покончив со свечами, Анабель сняла витрину саркофага, закрывавшую мальчика от внешнего мира, и приступила к работе.

Взяв с подноса скальпель, она провела им по правому запястью мальчика. Кожа податливо разошлась, открыв за собой переплетение сухожилий и кровеносных сосудов. Крови не было. Осторожно срезав часть тканей таким образом, чтобы освободить нужное количество места, Анабель поместила внутрь устройство, вывела наружу несколько манипуляторов и аккуратно сшила отходящие от устройства трубки с артериями и венами, таким образом, чтобы кровь проходила как раз через лунный камень. Когда она закончила, часы показывали пятнадцать минут шестого.

Перед тем, как выйти из-за стола, Анабель несколько минут капала расплавленным воском с одной из свечей на запястье мальчика, чтобы привести лунный камень в действие. Получив тепло, экватор завёлся. Маленькие шестерёнки внутри еле слышно задвигались, и давно мёртвые клетки начали оживать. Спустя ещё час, сердце мальчика совершило первый удар после долгого сна. Завтра он очнётся, и ему больше никогда не нужно будет есть и спать. Его организм не будет возвращать ненужные ткани, обращая их в злокачественные опухоли.

Удостоверившись в положительном состоянии пациента, девушка снова достала причудливый заводной ключ. Поглядев на него минуту, она подошла к одному из зеркал. Анабель смотрела на себя, в окружении сотни огней, будто её отражение тонуло в просторах звёздного неба. Фарфоровое лицо, сверкало отполированными гранями в полумраке комнаты, бронзовые зрачки отражали золотистый свет, а медные кудри переливались от огненно-красного, до солнечно-золотого цветов.

– Неужели я не красива? – тихо пропела Анабель. – Неужели я недостаточно жива для тебя, Ганс?

Свечи продолжали таять. Воск тяжёлыми каплями падал на каменный пол. Шли часы, но девушка перед зеркалом так и не сдвинулась с места. Внутри её изящного тела навсегда застыли сотни маленьких шестерёнок.

Любовь, алкоголь и психические расстройства

- Знаешь, чего бы я хотел сейчас больше всего? – Послышался мне голос Мартина.
- Чего же? – Вяло ответил я, лениво разглядывая опустевший бокал с каплей рома на дне.
- Оказаться на Луне.

Я ухмыльнулся и рывком поднялся с кресла. Прошагав мимо своего брата, я оказался рядом с камином, чтобы взять с него опустевшую наполовину бутылку. Сегодня воскресенье, а Мартин в другие дни не приходит – работа над очередным проектом занимает шесть дней в неделю. Поэтому он посещает мой дом в конце недели – уставший и мрачный, говорит мне о том, что его тревожит. Почему он не может рассказать об этом своей жене, я не знаю. Думаю, между нами более доверительные отношения, и это немного печально.

Налив себе в бокал немного рома, я протягиваю бутылку Мартину, но тот вежливо отказывается. Свет от языков пламени играл на его лице, в свои тридцать восемь он похож на дитё, когда сидит на ковре, обняв собственные колени. Вернувшись в кресло, я делаю глоток и пытаюсь продолжить наш разговор:

– И почему ты желаешь оказаться на Луне, Мар? Там нет работы, кабаков и женщин. Там совершенно нечего делать!

– Вот именно, Винсент, – мой брат печально вздохнул, – вот именно. Только представь: ни работы, ни пьяниц, ни денег, ни проблем. Один холод и серый грунт. И восходящая Земля над горизонтом...

Мартин – архитектор. Он пошёл учиться на эту профессию, потому что наш отец был жутким консерватором и настаивал на «мужском» образовании, потому мой брат чрезвычайно не любил свою работу. Мне повезло немного больше, я стал адвокатом и занимался тем, что защищал всяких крупных шишек Калифорнии. Наши с братом жизни были во многом похожи и шли почти параллельно благодаря отцу, и такими же разными они стали после его смерти.

Например, семья. Я вёл холостяцкий образ жизни, иногда приводя женщин самых разных сортов в свой трёхэтажный дом. Мартин же был однолюбом – его жена Эбигейл замечательно играла на пианино и также замечательно принимала гостей. Если мой брат и мог полюбить кого-то сильнее, то только своих дочерей – Эми, Пани и Роуз. Последней из них недавно исполнилось восемнадцать, и, к счастью, она пошла в мать. Мартин души не чает в своей семье, и, видит бог, я по-настоящему рад за него, но меня беспокоит, с какой периодичностью он приходит ко мне излить душу. В тайне я переживаю, что он начнёт пить, хотя Мартин никогда не давал предпосылок для подобных суждений, я хорошо знал отца. Иногда наши родители так строги и радикальны с нами, потому что не хотят, чтобы мы выросли похожими на них.

– А что не так с твоей работой? – интересуюсь я, расслабленно потягивая ром из бокала. – Тебя уволили?

– Нет, – Мартин уныло покачал головой, – всё хорошо. На днях мы даже выиграли тендер.

– Что-то с Эбигейл? Она заболела? Или её чудесная яичница с беконом стала менее сытной?

– Нет, еда тут ни при чём! Это все Роуз.

– Она попала в дурную компанию? Имей в виду, – я адвокат и могу помочь.

Мартин вдруг вскочил на ноги, и в тревоге зашагал из угла в угол, скрестив на груди руки.

– Ох, если бы всё было так просто! – воскликнул он.

– Твоя правда, – я допил свой ром и поставил бокал на столик у кресла. – Давай выкладывай, Мар, у нас друг от друга никогда не было секретов, ведь так? Что натворила Роуз?

– На прошлой неделе она привела домой своего бойфренда. Так и сказала: “Мам, Пап, это Гвидо, я люблю его”.

– И? Ты хочешь сказать, это всё, из-за чего ты впал в такое смятение?

– С этим парнем не всё так просто, Винсент.
– Он старше её?
– Хуже.
– Он преступник?
– Ху-же!
– Мать божья, он что, адвокат?! – Я театрально захлопал глазами.
– Иисус и Мария, прекрати шутить! Мне не до смеха. Он чёрный. Бойфренд Роуз – ниггер!

– Мда-а, – я лишь растерянно развёл руками. – Даже не знаю, что тебе можно посоветовать. Ты его уже проверил на криминал?

– Да, я пошёл к Джейкобу. Помнишь его, он шериф местного отделения полиции? Он ничего не нарыл. Гвидо Санчез чист, как аптека – ни наркоты, ни оружия, даже краж нет. Хотя мальчишка родом с Френсис-Бейл.

– Грязное местечко, помнится мне. Странно, что на него ничего не нашлось. А что этот пацан сам говорит? Как они вообще познакомились?

– Он учится в том же университете, что и Роуз.

– Интересно... Стало быть, Гвидо Санчез – молодой геолог?

– Угу. Его отец долгое время работал на какой-то фабрике, чтобы оплатить обучение. И теперь этот Гвидо сидит в печёнках у моей семьи. Страшно подумать, что будет, если все вокруг узнают об этом!

Я вновь оказался возле камина, на этот раз, чтобы забрать бутылку с собой. Налив рома в два бокала, я сунул один в руки Мартина и попросил его успокоиться:

– Любовь – странная штука, брат. Не подумай, что я оправдываю Роуз, но, знаешь, всё могло быть гораздо хуже.

– Куда уж хуже?! – воскликнул брат, делая глоток.

– Ты помнишь Анджело? Он ещё учился с нами в школе.

– Это не тот, который перешёл к нам в школу в третьем классе?

– Именно. Так вот, на прошлой неделе я встретил его в баре, где он рассказал мне очень занимательную историю. Может, ты слышал, что он сейчас занимает должность заведующего отделением психиатрии в больнице Святого Мишеля.

– Надо же. Я слышал, что он работает врачом, но понятия не имел, где именно.

– Так вот, он поделился со мной случаем, который имел место в его практике.

Мартин заёрзал в кресле, усаживаясь поудобнее. Я вспомнил, как много лет назад, мы, будучи ещё детьми, сидели также у камина, улыбнулся и начал рассказ.

Если рассматривать Анджело Россанто как отдельно взятого человека, то в нем не будет почти ничего выдающегося. Это был сын состоятельного итальянского эмигранта, приехавшего в Америку в конце сороковых годов. Отец открыл стоматологическую клинику, что также повлияло на выбор будущей профессии Анджело. К тридцати пяти годам, у Россанто-младшего была жена, двое детей и лысина. Плюсом ко всему шла размеренная работа в больнице Сан-Мишеля. На практике Анджело было всего несколько выдающихся случаев, но именно они позволили ему получить славу и почёт в кругу психиатров, как бы это ни звучало. Об одном из таких случаев и шла речь в баре на углу Флэтчберри-Стрит и Крайтон-Бич.

На дворе стоял март. Всё было скучно и серо, пока однажды к Анджело не привезли девушку двадцати лет. В истории болезни указывалась попытка суицида и состояние помешанности. Никаких подробностей почему-то не приводилось, и мистеру Россанто пришлось беседовать с пациенткой лично.

Пациентку звали Самантой Голдберг. Она была из благополучной семьи, среди родственников не было ни одного человека с предрасположенностью к шизофрении, – в генеалогическом древе числились сплошные музыканты и актёры театра. Внешность была относительно

обычной, если не брать в расчёт бледную кожу, острые скулы, общую худобу от недостатка правильного питания, а также тусклые глаза и тихий голос – симптомы депрессии и деменции. Вес был чуть ниже нормы, но в пределах допустимого.

Когда Анджело впервые беседовал с пациенткой, в её речи не было ничего необычного, что должно было насторожить, впрочем, по опыту он знал, что самые жестокие психи размышляют довольно логично, проблема была лишь в их видении ситуации, – разве вы не стали бы пытаться отрезать себе руку, будучи уверенными, что она поражена ужасной неведомой болезнью?

Анджело Россанто видел немало сумасшедших, но лишь единицы могли потягаться за звание Первого Психопата Калифорнии. Среди них был мужчина, съевший пальцы собственной правой руки, предварительно обжарив их на сковороде, напевая песню «you know I can't smile without you». Была женщина, верящая, что её кожа сделана из металла, а сама она – железная кукла, которой необходимо смазать суставы ног. Её привезли после того, как она пыталась вогнать себе под кожу полный шприц машинного масла. Безумие порою приобретает самые странные оттенки, и иногда нам даже сложно понять, разумен человек или нет. Саманта Голдберг была влюблена, и уже этот факт должен был привлечь внимание врача.

– Здравствуйте, Саманта, – дружелюбно произнёс Анджело, усаживаясь за стол в собственном кабинете.

– Хай, – уныло протянула девушка в ответ, рассматривая с безразличием свои тощие колени.

– Вы знаете, где вы находитесь?

– Да, в клинике святого Мишеля. Я пыталась умереть, и меня сочли сумасшедшей.

– А что вы об этом думаете?

– Я думаю, что я влюблена. Хотя многие говорят, что это невозможно, но мне кажется, мне лучше знать, что я чувствую.

– Верно. И кто же ваш объект воздыхания?

– Принц Карл Хоггарт Третий, – ответила Саманта, при этом голос её стал немного выше, а очки доктора Россанто полезли на лоб.

– Интересно, – пробормотал Анджело после небольшой паузы. – Если память мне не изменяет, он умер. Лет четыреста назад.

– Шестьсот четырнадцать лет назад, в возрасте двадцати лет он принял смерть от своего брата Вильгельма. Ужасное предательство!

– Согласен, но... если вы понимаете, что между вами более шести веков времени, как же вы можете любить его?

– Люди влюбляются друг в друга по переписке, готовы взять в жены человека, которого впервые видят только в день свадьбы, но почему-то не могут поверить в любовь к давно погибшему человеку.

– Но... вы же понимаете, насколько нецелесообразна мысль о суициде ради того, кого вернуть нельзя?

– Когда об этом говорит кто-то другой, это звучит ещё больнее. Я знаю, что вы правы. Я прошу лишь не отрицать моих чувств, вы не представляете, как это страшно – осознавать, что человек, который занимает все твои мысли, умер задолго до твоего рождения. Я хочу умереть, потому что мой возлюбленный никогда не узнает обо мне.

– Но после смерти вы попадёте в ад и вряд ли сможете воссоединиться с Карлом.

– Жизнь без любви – вот что такое ад!

Анджело Россанто был вынужден признать, что стандартной терапией проблему не решить. Одно дело, когда больной не понимает, что творит, совсем другое – когда пациент знает, что с ним что-то не так. Это проблема почти всех насильников – они знают, что вершат зло, но ничего не могут с этим поделать – это просто сильнее их. Аналогично складывались

обстоятельства и в данном примере: Саманта знала, что её «любовь» неестественна, но отказывалась верить в то, что это помешательство.

Когда мы встретились с Россанто в баре, с того дня прошло от силы пара месяцев. Он сидел у барной стойки, потягивая пиво. Рукава его белоснежной рубашки были закатаны до локтя, тёмно-зелёный галстук был закинут за плечо. В раздумьях он неподвижно смотрел в одну точку, подперев голову правой рукой, левой держась за кружку пива. В такой позе я его и застал. Мы поздоровались, выпили вместе и поболтали о пустяках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.